Пров 49

СОЛДАТСКАЯ СЛУЖБА.

Наборъ и возвращеніе домой.

Война случается рѣдко, а солдатъ всегда много: у насъ въ мирное время и то насчитывается около милліона пятисотъ тысячъ солдатъ. Каждый годъ чуть не полъ милліона молодыхъ парней забираютъ въ солдаты. Какъ минетъ 21 годъ, гонятъ на службу; рѣдко кому льгота дается, а то всѣхъ забираютъ, кромѣ тяжело больныхъ да увѣчныхъ. Правда, богатымъ и господамъ нерѣдко удается отдѣлаться отъ военной службы, но бѣднякамъ отъ этого не легче: на эти мѣста и тѣхъ бѣдняковъ берутъ, у кого льгота есть.

Нерѣдко случается, что парень семьей обзавелся. Все равно—иди въ солдаты, а что жену бросишь, а то и ребенка, на это начальство не смотритъ. Бываетъ и такъ, что этимъ парнемъ все хозяйство держится. Все равно—иди въ солдаты, а если мужиц-

кое хозяйство развалится, такъ начальство не ни
то приставлено, чтобы мужиковъ жалѣть. И не со
чтешь сразу, сколько матерей да женъ слезы льютъ
потому, что у нихъ кормильцевъ отнимаютъ. Сразу
и не прикинешь, сколько хозяйствъ разворяется
каждый годъ отъ рекрутскаго набора.

Вернется парень домой или не вернется—это не
извѣстно. Захочется царю, чтобы его солдаты по
дрались съ солдатами японскаго или нѣмецкаго царя
ну и объявитъ войну, и перебьютъ на этой войнѣ
народа видимо—невидимо. Много парней домой не
воротится, много солдатокъ—вдовами станетъ, мно
го дѣтишекъ сиротами голодать будутъ, много ма
терей слезами глаза выплачутъ. А изъ тѣхъ, кто
вернется домой, много раненыхъ придетъ. Придутъ
и безрукіе, и безногіе на костыляхъ, приведутъ слѣ
пыхъ, добредутъ прострѣленные и порубленные, и
вмѣсто того, чтобы на своихъ, пока молоды, пора
ботать, сами семейныхъ объѣдать будутъ. А увѣч
ному солдату отъ начальства ничего не полагается
„живи какъ хочешь или помирай, сдѣлай твое одол
женіе; начальству ты не нуженъ“.

Иной разъ и такъ бываетъ. Никакой войны не
было, а свертится парень въ солдатахъ и домой не
попадетъ, въ городѣ останется; а другой и домой при
шелъ, да не на радость семейнымъ. Работать не хо
четъ, облѣнился въ солдатахъ, отвыкъ отъ настоя
щей мужицкой работы, а то еще дурную болѣзнь
въ городѣ схватилъ, либо пьянствовать научился.
Многихъ парней солдатская служба до добра не
доводитъ, съ толку сбиваетъ, отучаетъ отъ работы,
пустыми бахвалами, зазнавшимися лодырями дѣла-

етъ. „Вы, дескать, мужичье, а я солдатъ—царю и отечеству служилъ“, а вся служба то въ томъ, что его въ казармахъ бездѣльничать заставляли или учили, какъ надо людей убивать, да вколачивали ему въ голову разныя глупости.

На войну берутъ также и запасныхъ, да не по немногу, а сразу сотнями тысячъ, а то и милліонами. Обзаведется человѣкъ семьей, ребятишекъ у него штукъ пять, а изъ нихъ дошелъ до дѣла одинъ, а то и ни одного не дошло, и вотъ, бросай эту ораву на руки бабѣ, бросай хозяйство или работу и иди за тридевять земель въ китайскую, либо нѣмецкую сторону незнамо за что убивать тамошнихъ мужиковъ и рабочихъ. Китайскій либо нѣмецкій царь тоже велитъ своихъ мужиковъ да рабочихъ въ солдатскіе мундиры обрядить, тоже велитъ имъ дать ружья, велитъ научить людей убивать, и они тоже въ нашихъ наряженныхъ въ солдатскіе мундиры мужиковъ стрѣлять будутъ, будутъ ихъ штыками колоть и саблями рѣзать.

А зачѣмъ это надо и не сообразишь. Какъ нашимъ, такъ и иностраннымъ мужикамъ куда лучше дома сидѣть, чѣмъ стрѣлять, колоть да рѣзать другъ дружку. Вѣдь если русскій царь повздорилъ съ японскимъ царемъ, да не сумѣли они разобраться по хорошему, такъ неужто изъ за этого надо посылать мужиковъ да рабочихъ другъ дружку рѣзать. Ужъ если захотѣлось, такъ сами бы цари другъ съ дружкой подрались.

Но нѣтъ! Они въ сторонѣ, а вотъ ежели русскіе мужики больше убьютъ японскихъ либо нѣмецкихъ, это значитъ русскій царь побѣдилъ, а если япон-

скіе или нѣмецкіе мужики больше переувѣчатъ и убьютъ русскихъ мужиковъ—это значитъ японскій или нѣмецкій царь, у себя во дворцѣ сидя, русскаго царя побѣдилъ. И всѣ то цари, пославъ мужиковъ убивать другъ друга, преспокойно въ своихъ палатахъ — дворцахъ разгуливаютъ, крѣпко спятъ, вдосталь выпиваютъ, сладко кушаютъ, музыкой либо картйнками забавляются и не только, что въ нихъ пули не летятъ, а каждую муху изъ дворца пять лакеевъ выгоняютъ, чтобы ненарокомъ царя не обезпокоили.

Ежели убьютъ запасного,—въ кусочки его семья пойдетъ; никакой поддержки отъ царя сироты получать не будутъ. Если же не убьютъ, не на радость домой придетъ: дѣтишки больные, изголодались, жена измаялась, осунулась, хорошо еще, если живы остались, а про хозяйство хоть не спрашивай—все одно, что Мамай али стражники прошли. Изба не то изба, не то рѣшето дырявое; въ избѣ такъ богато, что со двора покато; чего не хватись, за всѣмъ въ люди покатись, а отъ людей то у насъ на Руси—матушки давнымъ давно все добро уплыло къ кулакамъ да къ господамъ да къ чиновникамъ. И рады бы дать, да самимъ не хватаетъ.

Кому служитъ солдатъ.

„Чтожъ подѣлаешь, говорятъ намъ,—солдатъ долженъ людей убивать, если царь этого хочетъ. Конечно за это и нашего солдата постараются убить или изувѣчить, но на то онъ служитъ царю и отечеству. Царь приказалъ, надо слушаться: онъ народу добра хочетъ“. Мудрено говорятъ эти хитрые

люди. Почему это они думаютъ, что царь народу добра хочетъ! Ну-ка померекайте да скажите, было ли на вашей памяти, чтобъ царь народу какое ни на есть добро сдѣлалъ. Къ примѣру, земли бы нарѣзалъ, освободилъ бы отъ податей тѣхъ, кто ослабъ, не давалъ бы озорничать начальству, помогъ бы бѣднымъ крестьянамъ скотомъ али деньгами или сдѣлалъ что другое хорошее. Ничего такого ни онъ, ни его отецъ не дѣлали. Всюду народу совсѣмъ плохо живется, а нигдѣ онъ царскаго добра не видалъ. Да ужъ чего тамъ о народѣ говорить, хоть одного простого мужика назовите, которому бы царь помогъ въ его горѣ да бѣдности. Всю Россію изойдите, кого хошь поспрошайте, не найдете ни одного такого крестьянина, кому бы онъ хоть малость помогъ. А вѣдь у царя тысячи милліоновъ денегъ, которые его же чиновники собрали для него съ народа. У царя всякая власть, а пользы и добра отъ него простой народъ не видывалъ. Своихъ ближнихъ холоповъ, господъ разныхъ онъ, точно, ублажаетъ. Это вѣрно; даетъ имъ деньги, благо не заработанныя, а взысканныя съ народа податями. Къ примѣру: сто тысячъ рублей царь дастъ какому нибудь дворянину за то, что тотъ угодилъ ему, а двѣсти тысячъ съ народа взыщетъ и въ свою казну положитъ. И дворянину хорошо, и царю выгодно, а у народа шея трещитъ.

Иной, по неразумѣнію, скажетъ, что дѣдъ нынѣшняго царя освободилъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, а о томъ, что прапрадѣды царя—тоже цари—вольныхъ крестьянъ барамъ закрѣпощали, объ этомъ позабудетъ. Да и объ освобожденіи такой человѣкъ невѣрно скажетъ. Въ то время,—передъ обманной

царской волей, — крестьяне вездѣ, по всей Россіи поднимали бунты противъ помѣщиковъ, вездѣ убивали господъ, жгли ихъ усадьбы. Царь съ дворянами испугались, какъ бы крестьяне всѣ сразу не поднялись и приказалъ освободить крестьянъ. Да только не по хорошему онъ это дѣло повелъ: землю, что получше, помѣщикамъ оставилъ. Крестьянамъ далъ земли мало, чтобы имъ нужно было на помѣщиковъ работать. Землю, какая похуже, крестьянамъ отдалъ не даромъ, а за деньги, и 45 лѣтъ эту землю крестьяне выкупали, въ тридорога за нее переплатили. А вмѣсто помѣщиковъ, онъ столько начальства поставилъ, такое жалованье своимъ чиновникамъ положилъ, что въ конецъ народъ разорилъ, такъ какъ это жалованье платилъ не изъ своихъ денегъ, а выколачивалъ его податями съ народа. Начальству же царь далъ власть надъ крестьянами и оно всячески надъ ними измывается: и поретъ, и обижаетъ, и въ острогъ сажаетъ. Вышло такое дѣло, что изъ одной неволи крестьяне въ другую неволю попали: царь ихъ просто изъ кулька въ рогожку перевалилъ. А какъ царь народу добра желаетъ, видно изъ того, что онъ обѣщалъ помѣщикамъ не дать крестьянамъ ни одной десятины захваченной помѣщиками земли. Выходитъ такъ, что задумаетъ крестьянинъ запахать захваченную помѣщикомъ землю, которая ему нужна для пропитанія, попытается ли крестьянинъ не платить подати или взять запасы хлѣба или же произведенное имъ какое обзаведенье, которое купилъ помѣщикъ на деньги, добытые мужицкимъ трудомъ,— сейчасъ же царь посылаетъ солдатъ помѣшать кре-

стьянамъ и велитъ своимъ генераламъ и офицерамъ, чтобы они приказывали солдатамъ убивать крестьянъ, ежели они захотятъ что либо въ свою пользу сдѣлать.

Каждый годъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, по царскому приказу, злою смертью гибнутъ крестьяне за то, что добиваются земли и воли, а то и просто за то, что у нихъ нѣтъ денегъ платить подати. Стражники и солдаты стрѣляютъ крестьянъ изъ ружей, драгуны рубятъ саблями, казаки бьютъ нагайками, а то и убиваютъ, палачи вѣшаютъ крестьянъ, и все это приказу царя. Много русскихъ деревень выжжено по его приказу до тла; много мужиковъ арестовано; у многихъ крестьянъ разграблено и унесено послѣднее имущество. Онъ только награждаетъ тѣхъ, кто крестьянъ мучаетъ; никогда не наказываетъ царь самыхъ злыхъ мучителей крестьянъ; ни царь, ни его холопы—судьи не наказываютъ и тѣхъ злодѣевъ, что дѣтишекъ увѣчили, что надъ женщинами надругались.

Постоянно нашъ царь приказываетъ стрѣлять въ народъ, рубить и прикалывать крестьянъ и рабочихъ. Онъ постоянно о помѣщикахъ, о богачахъ да чиновникахъ заботится, постоянно велитъ ихъ защищать отъ мужиковъ, постоянно съ трудовымъ народомъ войну ведетъ, постоянно, чуть гдѣ зашевелятся крестьяне или рабочіе, посылаетъ солдатъ на защиту богачей.

Знаете ли вы, какъ онъ, этотъ царь, на покорныя просьбы отвѣчаетъ? 9-го января 1905 года безоружные петербургскіе рабочіе, ихъ жены, дѣтишки и безпомощные старцы родители отправились къ

царю, какъ къ своему отцу, съ челобитною. Шли они съ крестнымъ ходомъ, съ крестомъ, съ иконами, съ хоругвями, съ царскимъ портретомъ. Показалъ имъ себя царь! Этихъ рабочихъ, которые и не думали тогда бунтовать, онъ приказалъ своимъ генераламъ разстрѣлять, и по этому приказу солдаты и казаки убили 2000 безоружныхъ рабочихъ. Не пойдутъ они больше къ царю съ просьбами. Теперь рабочіе поняли, что нѣтъ для простого народа болѣе лютаго врага, чѣмъ тотъ злодѣй, барскій ставленникъ, который царемъ называется.

Вотъ такому то господину, который называется царемъ, и служатъ солдаты. Близкіе къ царю люди не разъ разсказывали, что онъ совсѣмъ глупый, злой, боящійся чернаго народа человѣкъ, но и всѣ цари, сколько ихъ ни было, никогда ничего кромѣ зла народу не дѣлали: всегда и вездѣ они противъ народа стояли за своихъ родственниковъ и за близкихъ къ нимъ дворянъ и богачей.

Говорятъ, что солдатъ служитъ отечеству. Что это за отечество такое, которому надо служить, убивая своихъ, свой же народъ, своихъ крестьянъ и рабочихъ за то, что они хотятъ жить по хорошему. Хочетъ народъ взять землю, стрѣляй въ него—это значитъ за отечество стрѣлять. Хочетъ народъ не платить податей, такъ какъ съ голоду животы подвело, хлѣба купить надо,—стрѣляй въ него, это значитъ—за отечество народъ убивать. Хочетъ народъ по волѣ жить, чтобъ надъ нимъ всякая чиновничья сволочь не измывалась—стрѣляй въ него,

коли, руби, бей, жги деревни, обижай дѣвушекъ и женщинъ—это значитъ за отечество стараешься. Да полно! Не обманъ ли это? А если не обманъ, такъ значитъ отечество — это помѣщики, богачи, чиновники—всѣ тѣ, кто не даетъ народу такъ устроиться, чтобы зажить хорошей, вольной, зажиточной жизнью. Значитъ отечество—это какъ разъ тѣ люди, которые народъ грабятъ, обижаютъ, дармоѣдничаютъ на мужицкой шеѣ. Значитъ этимъ то дармоѣдамъ, обидчикамъ и злодѣямъ и служатъ солдаты.

Внѣшніе враги.

Говорятъ также, что солдатъ долженъ истреблять внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Посмотримъ, что значатъ эти слова. Зачѣмъ, къ примѣру, мнѣ—крестьянину или рабочему брать длинный ножъ—саблю, ружье или пушку и идти убивать японскаго крестьянина или рабочаго? Для того, чтобы его ограбить что ли? Да вѣдь я не разбойникъ и не злодѣй; никого грабить не хочу — мнѣ только мое отдай, моимъ мужицкимъ трудомъ зарабатанное; только не отнимай у меня то, что своимъ горбомъ заработалъ. А ежели меня посылаютъ убивать иностранныхъ мужиковъ для того, чтобы съ нихъ царь деньги взялъ да дворянамъ ихъ раздалъ, или для того, чтобы купцамъ было кому свои товары продавать, такъ вѣдь это совсѣмъ подлое и глупое дѣло выходитъ.

Ни мы—русскіе мужики и рабочіе, ни иностранные мужики и рабочіе — никого убивать и грабить не хотимъ, вовсе не хотимъ воевать, а если хотятъ

этого богачи, дворяне да цари, такъ сами пусть и дерутся, сколько имъ угодно. Хоть въ конецъ другъ друга изничтожьте, простому народу отъ этого только легче будетъ; безъ васъ—возьмемъ мы захваченную вами землю, которую вы сами не пашете, на которой все мы же работаемъ, безъ васъ—податей некому будетъ съ насъ брать, некому будетъ барствовать да мудрить надъ нами.

Но нѣтъ! Они насъ, крестьянъ да рабочихъ, драться посылаютъ, посылаютъ людей убивать да калѣчить за царя и отечество, то есть за богачей и чиновниковъ, и вотъ будемъ мы холодать и голодать въ походахъ, ѣсть гнилые сухари, спать на голой землѣ подъ дождемъ, будемъ мы убивать, будутъ и насъ убивать. Будутъ рѣзать намъ тѣло, разбивать груди, прокалывать животы, выкалывать глаза, пробивать свинцовыми пулями наши головы, ядра и бомбы будутъ разрывать и сплющивать насъ, отрывать руки и ноги, разворачивать животы и груди, отрывать головы, кони будутъ топтать насъ. Если сразу не убьютъ въ свалкѣ, а только ранятъ, то по нашимъ живымъ тѣламъ будутъ скакать лошади, будутъ топтать насъ ногами тысячи солдатъ и своихъ и чужихъ.

Къ чему все это? Потому что царь да отечество, то есть богачи да чиновники хотятъ, чтобы мы сражались. Да пропадите вы пропадомъ! Безъ васъ—злодѣевъ—никто, ни нѣмцы, ни японцы не подумали бы рѣзаться, жили бы себѣ по хорошему. Отъ васъ вся смута, все зло на землѣ, безъ васъ былъ бы вѣчный миръ и спокойствіе, и ужъ, если надо воевать, такъ для того, чтобы васъ—злую прокля-

тую нечисть—убрать. Вездѣ вы—и въ Россіи и на чужбинѣ—одна шайка, и всѣ вы вмѣстѣ враги всего простого народа, гдѣ бы, въ какой странѣ не жилъ онъ. И всегда то вы врете, разныя небылицы и сказки разсказываете о томъ, почему народъ на войну гонятъ: воюете вы либо для того, чтобы самимъ на чужой счетъ нажиться; либо для того, чтобы простого народа поубавилось, чтобы народъ не поднялся противъ васъ и не прогналъ васъ.

Внутренніе враги.

Разное начальство да офицеры говорятъ солдатамъ, что имѣются внутренніе враги, которыхъ надо убивать да усмирять. Оно точно, много у трудового народа внутреннихъ враговъ, да только не тѣ это крестьяне, которымъ земли надо, не тѣ рабочіе, которые хотятъ на себя, а не на купцовъ работать, не тѣ это люди, которые за землю и волю строятъ, не тѣ это люди, на которыхъ офицеры указываютъ темнымъ солдатамъ. Внутренніе враги—это помѣщики, которые вольную землю захватили, отъ чего и голодаетъ народъ; это купцы и фабриканты, которые кровь рабочихъ сосутъ, набиваютъ свои карманы, не доплачиваютъ рабочимъ, заставляютъ мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ надрываться надъ работой для купеческой пользы. Внутренніе враги—это всякіе судьи и чиновники, всякое начальство, которое всегда руку богачей дармоѣдовъ держитъ, во всемъ по кривдѣ, а не по правдѣ поступаетъ, которое податями послѣдній грошъ у мужика выколачиваетъ, и, какъ помѣщики, многое множество вольной

земли захватило и назвало ее казенной. Внутренніе враги—это офицеры и генералы, и мы поговоримъ о нихъ. Самое важное и главное дѣло офицеровъ и генераловъ—это держать солдатъ въ повиновеніи для того, чтобы эти солдаты убивали по ихъ приказу крестьянъ и рабочихъ, если эти крестьяне и рабочіе захотятъ взять землю, работать на себя, а не на господъ, не на богачей и не на чиновниковъ. Они для того и поставлены, чтобы господъ и начальство оборонять отъ простого народа. Всѣ эти офицеры и генералы—дѣти помѣщиковъ, чиновниковъ да богатыхъ людей; имъ разсчетъ поддерживать этихъ дармоѣдовъ, защищать ихъ. Имъ не трудно крестьянскую кровь проливать, не трудно быть палачами. Изъ нихъ сколько угодно дворянскихъ дѣтей. Ихъ отцы и дѣды крестьянами какъ скотомъ помыкали, на смерть запарывали ихъ на своихъ конюшняхъ, заставляли работать до кроваваго пота, безчестили дѣвушекъ, крестьянокъ заставляли кормить грудью борзыхъ щенятъ. Вся эта барская порода смотритъ на простой народъ не какъ на людей, а какъ на скотовъ, которыхъ можно мучить и убивать для своей пользы, для того, чтобы заставить мужиковъ послушно работать на разныхъ дармоѣдовъ. На мужиковъ и рабочихъ—офицерамъ и генераламъ—наплевать. Имъ бы только поскорѣе выслужиться, побольше жалованія получать, и кто изъ нихъ лютѣе къ крестьянамъ, того царь больше и жалуетъ.

Наши офицеры да генералы съ иностранцами воевать не умѣютъ. Они нанялись въ первую голову для того, чтобы держать крестьянъ и рабочихъ

въ повиновеніи у господъ, у купцовъ и чиновниковъ. Для войны съ иностранцами они никуда не годятся. Хорошіе, умные и знающіе люди въ офицеры не пойдутъ: не охота имъ палачами быть. Даже съ японцами, число которыхъ втрое меньше, чѣмъ жителей въ Россіи, они не только не справились а, наоборотъ, японцы все время побѣждали нашихъ бахваловъ офицеровъ и генераловъ. Они не только оказались трусами—храбры они только тогда, когда нападаютъ на безоружныхъ крестьянъ да рабочихъ, они не только оказались глупыми неучами — они только бахвалиться умѣютъ, но оказались и ворами, обкрадывавшими солдатъ, ворами, въ свои карманы положившими деньги, на которыя можно было построить хорошіе военные корабли-броненосцы, хорошія крѣпости, хорошо вооружить войско, хорошо одѣть, обуть и продовольствовать солдатъ.

Для войны съ иностранцами они не годятся, а вотъ безоружныхъ крестьянъ и рабочихъ горазды убивать. Тутъони храбрые воины: орутъ, величаются, свирѣпѣютъ, тутъ они храбры до той поры, конечно, пока нѣтъ у крестьянъ оружія и не объединились они между собою.

Не даромъ они стараются. Начальство и царь платятъ офицерамъ и генераламъ деньги для того, чтобы они помѣшали крестьянамъ и рабочимъ взять отъ дармоѣдовъ захваченныя ими земли, фабрики и товары, и для того, чтобы они помѣшали народу прогнать начальство. Всѣ эти офицеры—продажныя души. За деньги, чины да ордена продали они народъ русскій. Всѣ эти офицеры горой стоятъ за

царя, чиновниковъ, помѣщиковъ и разныхъ дармоѣдовъ. Все это измѣнники и предатели народа русскаго. Только изрѣдка, случайно попадаются между ними честные люди, друзья простого народа. Ну, да ихъ то мы узнаемъ, когда до дѣла дойдетъ. А почитай, что всѣ они ничего знать не хотятъ, кромѣ картежа, водки, винъ разныхъ да закусокъ, проститутокъ да бахвальства. Вотъ эти то офицеры и есть самые злые внутренніе враги трудового народа; злѣе ихъ только одинъ внутренній врагъ—царь Николай II Александровичъ фонъ Гольштейнъ, который самозванно себя Романовымъ называетъ.

Чудное, право, дѣло! Всякому человѣку видимо, кто внутренній врагъ народа русскаго, а солдатъ заставляютъ убивать крестьянъ да рабочихъ, да тѣхъ людей, кто за землю и волю стоятъ, а внутреннихъ враговъ—царя и богачей заставляютъ защищать, и они, противъ своихъ кровныхъ, стоятъ за помѣщиковъ, за богачей и за чиновниковъ. На каиново дѣло—убивать своихъ—посылаютъ солдатъ господскіе и барскіе родственники, офицеры и генералы. А кончитъ солдатъ службу, придется ему опять землю пахать или на фабрикѣ работать, помѣщики, купцы да чиновники прижмутъ его такъ, что хоть волкомъ вой. А ежели онъ станетъ противиться, своихъ правъ добиваться, такъ тѣ же самые офицеры и генералы и на него другихъ солдатъ пошлютъ, на этотъ разъ въ него самого стрѣлять. Хитро это механика налажена.

Кто солдатъ? Кому онъ служить долженъ.

Почитай, что всѣ солдаты—либо мужики, либо

рабочіе. Отбудутъ свой срокъ, опять въ деревни или на фабрики пойдутъ, такъ имъ не зачѣмъ для господской пользы мыть свои руки въ братской крови. Господа—это другое дѣло, они до человѣческой крови охочи, ну пусть сами ее и пьютъ, пока имъ даются. Солдату же помѣщики, купцы и чиновники—не друзья и не родственники, да и несправедливые они люди. Ему стыдно и грѣшно обижать своихъ кровныхъ и безъ того обиженныхъ, и обижать ни за что ни про что, а только въ угоду своимъ врагамъ—разнымъ дармоѣдамъ.

Каждый солдатъ долженъ помнить, что его кормятъ, одѣваютъ, обуваютъ на народныя мужичьи деньги, на тѣ подати, которыя сбираютъ съ народа. Если бы не раскрадывало этихъ денегъ всякое начальство, то солдатъ кормили бы и одѣвали много лучше, чѣмъ теперь, но и сейчасъ солдатъ не работаетъ, а кормятъ его на тѣ деньги, которыя тяжелымъ трудомъ мужики да рабочіе заработали и которыя у нихъ начальство отняло.

На народныя, кровныя деньги сдѣлано или куплено и оружіе солдатъ. Солдатское ружье сдѣлано на деньги, взятыя податями и быть можетъ какъ разъ у тѣхъ крестьянъ или рабочихъ, убивать которыхъ посылаютъ солдата. Такъ уже если стрѣлять изъ него, то во враговъ народа, въ дармоѣдовъ, тунеядцевъ, кровопійцъ, какъ бы они не назывались, какія бы золотыя пуговицы и эполеты они не надѣли, какія бы разноцвѣтныя ленты и ленточки, какія бы золотые и серебряные кружки и звѣздоч-

они крестьянъ убивать приказываютъ, самихъ ихъ убивать надо.

Почему солдатъ своихъ убиваетъ.

Почему же солдатъ, по слову барчатъ офицеровъ, своихъ убиваетъ? Да потому, что начальство всячески солдатъ одурачиваетъ, оболваниваетъ, затумаиваетъ имъ головы, чтобъ они забыли совѣсть и честь и по приказу господъ, разряженныхъ въ пиджаки съ эполетами, въ своихъ братьевъ—крестьянъ и рабочихъ стрѣляли.

Для этого ихъ подолгу, годами держатъ въ казармахъ, чтобы они одурѣли отъ бездѣлья и скуки и позабыли о своихъ рабочихъ и о крестьянскихъ дѣлахъ. Забиваютъ имъ голову самой что ни на есть послѣдней глупостью, которая у офицеровъ словесностью называется, а въ этой словесности либо пустыя слова написаны, либо такъ принаровлено, чтобы солдатъ всегда во всемъ офицеровъ слушалъ, чтобы, запомнивъ эти глупости, крестьянинъ всегда на господъ работалъ, а ежели не захочетъ этаго, такъ чтобы солдатъ убилъ его.

Мудрено и жутко человѣку своихъ убивать да еще по барскому приказу. Не легко солдату крестьянину для барской пользы—штыками и пулями пробивать крестьянскія груди, не легко солдату рабочему разбивать головы рабочихъ, но для этого то солдатъ и держатъ подолгу въ казармахъ, оболваниваютъ. Вошелъ въ казарму человѣкъ человѣкомъ, а сталъ болванъ болваномъ, ежели поддался разнымъ обманамъ. Оболваниваютъ солдатъ офицеры, оболваниваютъ ихъ оставшіеся

служивые, барамъ свои души за гроши продавшіе, народу русскому въ пользу баръ измѣнившіе, за барскую похвалу да за деньги продавшіе крестьянство.

Присяга.

Самымъ большимъ обманомъ, которымъ пользуются господа для того, чтобы сдѣлать изъ крестьянскаго парня лютаго звѣря, а то и Каина-братоубійцу является безбожная присяга. Что солдатская присяга—присяга безбожная—всякій пойметъ, кто хоть немного подумаетъ, не вретъ ли купленный барами и чиновниками попъ, когда говоритъ о ея святости. По неволѣ приходится принимать присягу въ томъ, что будешь слушаться начальства, хотя и знаешь, что оно приказываетъ дѣлать подлыя и кровавыя дѣла. Откажешься отъ присяги, упекутъ тебя въ каторжныя работы. Это, положимъ, вѣрно, принимать присягу приходится, но исполнять ее, это значитъ противъ Христа идти. Христосъ запретилъ брать присягу, и тотъ попъ, который приводитъ къ ней, не Христа слушается, а чиновника. Провѣрьте сами эти слова: достаньте Евангеліе отъ Матѳея, прочтите въ немъ главу третью, стихи 33, 34, 35, 36, 37. Тамъ написаны слова Іисуса Христа „А я говорю вамъ: не клянитесь вовсе; ни небомъ, потому что оно престолъ божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ его, ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго царя. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного воло-

то отъ лукаваго". Отъ лукаваго (т. е. зломъ, обманомъ) является и наша солдатская присяга. Христосъ училъ, что всякое обѣщаніе, подтверждаемое клятвой, есть злое дѣло, дѣло происшедшее отъ зла, дѣло, въ которомъ кроется зло. Нечего удивляться ,что попы поступаютъ не только такъ, какъ училъ Христосъ, а совсѣмъ наперекоръ. Прочтите внимательно евангеліе и вы увидите, что они во всемъ напротивъ его словъ поступаютъ. Попы изъ за денегъ давнымъ давно держатъ руку чиновниковъ, помѣщиковъ и купцовъ. Рѣдко который изъ нихъ за простой народъ стоитъ, да только такихъ поповъ начальство живо спроваживаетъ.

Многіе солдаты понимаютъ, что присяга—одинъ барскій подвохъ, хитрая ловушка для темныхъ людей. „Принимай присягу, что во всемъ меня будешь слушаться. Все, что ни прикажу— убить тамъ кого, застрѣлить или заколоть—все это по моему слову сдѣлаешь," говорятъ барскіе сыновья мужицкимъ сыновьямъ. „Не примешь присягу — замучаемъ, а примешь, такъ ежели прикажу мужиковъ убивать —убивай. Это воинская дисциплина!" Больно ужъ хороши они! Не дисциплина это, а подлость! Вотъ что! Изъ подъ палки, изъ за страха каторги какую хошь присягу примешь, что хошь пообѣщаешь, хоть по водѣ пѣшкомъ ходить. Вѣдь у насъ тѣхъ рекрутъ, которые не хотятъ присяги принять, въ арестанскія роты и въ каторгу ссылаютъ. Тутъ по неволѣ присягу примешь, хоть она и обманная*). А

*) Бываютъ и такіе люди, что отказываются принимать присягу,

вотъ насчетъ того, чтобы своихъ убивать, дѣлаться братоубійцами, али тамъ отцеубійцами, такъ это другое дѣло! Ничего такого не сдѣлаетъ умный человѣкъ, понимающій солдатъ.

Для чего солдатъ уводятъ въ чужія губерніи.

Для того, чтобы солдаты не заупрямились своихъ убивать, начальство поступаетъ очень хитро. Оно нарочно отсылаетъ рекрутъ изъ русскихъ губерній въ Польшу, или на Кавказъ, или въ Сибирь, а рекрутъ изъ этихъ мѣстъ посылаетъ въ русскія губерніи. Поляковъ и малороссовъ посылаютъ въ русскія губерніи, а великороссовъ—въ малороссійскія и польскія; гонитъ народъ съ одного мѣста на другое, чтобы солдаты подальше отъ своей родной деревни жили. Начальству непремѣнно надо увести солдатъ изъ родныхъ губерній въ чужія, къ чужимъ людямъ. А тамъ, чуть зашевелятся крестьяне противъ помѣщиковъ или поднимутся рабочіе противъ фабрикантовъ, сейчасъ и гонятъ солдатъ въ народъ стрѣлять, рубить и прикалывать рабочихъ и крестьянъ.

И вотъ, ежели у солдата нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, ежели ему забили голову разными глупостями, то такой одураченный солдатъ убиваетъ своихъ же, стрѣляетъ въ трудовой народъ, защищая кровопійцъ-дармоѣдовъ. Такой солдатъ съ дуру вѣритъ продажнымъ офицерамъ барчатамъ, что „ты, молъ, не въ своихъ стрѣляешь, а въ бунтовщиковъ, во внутреннихъ враговъ“ И палитъ одураченный солдатъ по своимъ, а бываетъ и такъ, что въ это же время въ его губерніи другой солдатъ въ его отца штыкъ втыкаетъ.

И конечно, начальство посылаетъ убивать внутреннихъ враговъ, не кровопійцъ народа, а крестьянъ и рабочихъ, поднявшихся противъ помѣщиковъ, противъ господъ и богачей.

Какъ долженъ поступать солдатъ?

Простому народу по всей Россіи плохо живется. Рабочимъ приходится всю жизнь на купцовъ и хозяевъ работать и нищими помирать. Къ 40-ка годамъ хозяева вымотаютъ у рабочаго всѣ силы и пустятъ на всѣ четыре стороны, а на фабрики, кого помоложе возьмутъ. Но и до сорока лѣтъ рабочій много разъ безъ работы и безъ денегъ сидѣть будетъ: водицей позавтракаетъ, воздухомъ пообѣдаетъ, а поужинаетъ тѣмъ, что другой рабочій отъ своего обѣда оторветъ да дастъ ему.

Купцы, торговцы, ростовщики—лихоимцы, кулаки и міроѣды какъ будто ничего не дѣлаютъ; кажись только и дѣла у нихъ, что о косякъ брюхо чесать, а на самомъ дѣлѣ всѣ они рвутъ крестьянскія души да и шабашъ! Господа чиновники — всѣ эти пустоплясы разные — въ конецъ обобрали народъ разными податями, а помѣщики такъ прижали, что бѣда. На Руси не мало даже такихъ мѣстъ, гдѣ скотинка на водопой выйдетъ,—помѣщикъ кричитъ: „моя вода!“ Курица за околицу выбредетъ,—помѣщикъ кричитъ: „моя земля!“ И земля, и вода, и воздухъ—все его стало! Лучины не стало мужику въ свѣтецъ зажечь, прута не стало, чѣмъ избу вымести.

Вотъ и живи! Песъ бездомный и тотъ лучше живетъ.

Только тогда заживетъ русскій народъ по хорошему, вольной зажиточной жизнью, когда крестьяне возьмутъ землю, когда рабочіе возьмутъ фабрики, когда весь народъ возьметъ волю, прогонитъ начальство, когда освободится отъ дармоѣдовъ—пауковъ—кровопійцъ, когда не придется ему устраивать своимъ трудомъ роскошную жизнь для тунеядцевъ.

Для того, чтобы взять землю и волю, взять фабрики и рудники, для того, чтобы устроиться такъ, чтобы все добытое народнымъ трудомъ оставалось у народа, а не уплывало въ чужія руки—одна дорога: надо сговориться, всѣмъ сразу возстать, прогнать начальство, взять землю и все что рабочимъ народомъ сдѣлано и передать все это въ общее народа владѣніе.

Въ дни священнаго мѣсяца, въ дни великаго передѣла земли, въ дни захвата всего, что народнымъ трудомъ сдѣлано, солдатамъ надо перейти на сторону народа. Объ этомъ мы поговоримъ сейчасъ. Но и до возстанія солдатъ часто посылаютъ противъ крестьянъ и рабочихъ, которымъ стало не въ терпежъ. Если до дней всенароднаго возстанія солдаты попадутъ въ карательный отрядъ, посланный противъ крестьянъ и рабочихъ, они по совѣсти и чести должны за народъ стараться, должны, если можно, попортить пулеметы, пушки, подмочить патроны, порохъ, какъ ни какъ помѣшать отряду дѣйствовать и дѣлать все это надо умно, чтобы зря не попасться. Если офицеры и генералы прикажутъ сѣчь крестьянъ, солдатъ долженъ отвѣтить: „не солдатское это дѣло“. Если эти негодяи прикажутъ стрѣлять въ народъ и если въ тебѣ капля совѣсти

есть, не стрѣляй совсѣмъ и переходи съ оружіемъ въ рукахъ на сторону народа. Кто смѣлый отважный человѣкъ, пали прямо въ офицера или генерала, который такой приказъ отдастъ. За это, если не удастся бѣжать, тебя разстрѣляютъ, но сто разъ лучше умереть, чѣмъ жить палачемъ. Лучше погубить свою жизнь, „сохранивъ незапятнанную честь и душу, нежели сохранить жизнь и душу погубить". Нѣтъ любви больше, чѣмъ свою жизнь за народъ положить. Нѣтъ святѣе дѣла!

Тебѣ скажутъ, что солдатъ долженъ приказъ исполнять. Подлыя эти слова и только дураки вѣрятъ имъ. Мало ли какую гадость приказываютъ дѣлать офицеры. Они зачастую приказываютъ сѣчь и разстрѣливать въ угожденіе тѣмъ чиновникамъ и помѣщикамъ, которые такъ грабятъ и раззоряютъ несчастнаго мужика. Такъ неужто угождать тѣмъ людямъ, которыхъ вы терпѣть не можете? Гдѣ же тутъ правда! Неужели въ угоду начальникамъ, барамъ—душегубамъ вы захотите „чтобы народъ васъ проклялъ и на всю жизнь далъ вамъ постыдное названіе палачей". Мало ли что начальство и бары приказываютъ. Въ старину помѣщица Салтыкова женскія груди у крестьянокъ приказывала отрѣзывать и ѣсть ихъ, такъ и такого приказа слушать! Ежели вамъ приказываютъ людей калѣчить, людскую кровь пить—слушаться что ли?

Приказъ сѣчь своихъ и стрѣлять по своимъ, за то, что они хотятъ земли и воли, будь онъ ста барскихъ ставленниковъ—царей приказъ—приказъ окаянный. За послушаніе такому приказу весь народъ россійскій, все крестьянство проклянетъ васъ.

Воины, избивавшіе младенцевъ по приказу царя Ирода, солдаты мучившіе и распявшіе Христа по приказу Пилата „они и начальству своему угодили и присягу соблюли". Но люди до сихъ поръ имъ этого не простили и не простятъ во вѣки вѣковъ.

Какъ стрѣляютъ умные солдаты.

7 мая 1901 года начальство послало матросовъ стрѣлять въ рабочихъ Обуховскаго завода. Почитай, всѣ они стрѣляли въ воздухъ, въ землю, но не въ людей. „Только скоты какъ слѣдуетъ стрѣляли", говорили объ этомъ. Въ 1903 году въ Кіевѣ послали херсонскій полкъ стрѣлять въ крестьянъ и рабочихъ. Чуть ли не весь полкъ стрѣлялъ въ воздухъ: „чего мы будемъ въ людей стрѣлять? Развѣ мало мѣста вверху? говорили солдаты. Да и грѣшно стрѣлять... Какая это стрѣльба? Конечно, кое кто убитъ и раненъ... Это потому, что среди насъ есть темные люди, которые цѣлятся. Но большинство въ толпу не стрѣляетъ." Солдаты мингрельскаго и тифлисскаго полковъ прямо заявляли, что будутъ стрѣлять въ воздухъ, а не въ рабочихъ, устроившихъ забастовку въ Тифлисѣ. Въ Одессѣ въ томъ же году солдаты не стрѣляли въ рабочихъ, и начальство выписало казаковъ.

Сколько патроновъ перевели солдаты и матросы, стрѣляя въ воздухъ и въ землю, а не въ народъ, и не сосчитать. Начальство очень огорчалось и приказы писало, чтобы лучше стрѣляли и стыдило солдатъ: „такіе, молъ, молодцы, а людей убивать не умѣете: чуть ли не въ пяти шагахъ мимо пали-

те". Да только не часто слушали солдаты и матросы эти предательскія, подлыя и глупыя рѣчи барскихъ прихвостней-офицеровъ. „Надо злодѣями быть, чтобы въ своихъ стрѣлять", справедливо думали солдаты.

Оно, конечно, встрѣчаются и темные солдаты, но ихъ все меньше и меньше становится. Какой бы мундиръ не надѣло начальство на мужика или рабочаго, онъ долженъ помнить, что онъ былъ крестьяниномъ или рабочимъ и снова будетъ тѣмъ или другимъ. Онъ долженъ знать, что все тайное сдѣлается явнымъ. Солдату надо понимать, что онъ всегда долженъ на пользу народа стараться.

Народное Братство.

Крестьяне и рабочіе сговариваются теперь для того, чтобы сразу по всей Россіи подняться противъ угнетателей—господъ, богачей и начальства—и устраиваютъ для этого Всероссійское Народное Братство, въ которое и входятъ братьями.

Братья говорятъ: „Скоро настанутъ дни священнаго мѣсяца. Готовьтесь, крестьяне! Готовьтесь рабочіе!

Въ дни священнаго мѣсяца мы возьмемъ волю и землю, лѣса и воды, фабрики и заводы, мастерскія, рудники и копи, желѣзныя дороги и пароходы, склады товаровъ и магазины, жилыя дома и нежилыя зданія, банки и казначейства, всѣ средства производства; все, что отнято богачами у бѣдняковъ, у трудящагося люда—все возвратимъ народу.

Въ дни священнаго мѣсяца, въ дни возстанія мы,

братья, ударимъ въ набатъ по всѣмъ русскимъ церквамъ и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встанемъ за вольную волю, за счастье народа русскаго, за его таланъ-долю.

Не положимъ оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одна деревня, хоть одинъ городъ останется во власти богачей и начальства.

Солдаты—крестьяне и рабочіе! входите во „Всероссійское Народное Братство"; послужите дѣлу народнаго освобожденія въ дни священнаго мѣсяца, въ дни великаго передѣла земли. Въ эти дни съ ружьями въ рукахъ, съ патронами, съ пушками и пулеметами переходите на сторону крестьянъ и рабочихъ противъ дворянъ, помѣщиковъ, богачей, чиновниковъ и противъ ихъ ставленниковъ — офицеровъ и генераловъ, — все тѣхъ же баръ или людей, купленныхъ барами за нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ. Въ дни великаго передѣла земли солдатскіе братья арестуютъ офицеровъ и генераловъ. Если кто изъ офицеровъ и генераловъ не будетъ арестованъ, если кто изъ нихъ скомандуетъ стрѣлять въ народъ, то есть въ вашихъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ... Солдатскіе братья! Стрѣляйте въ него, въ этого офицера-Іуду, а не въ своихъ братьевъ!

Съ крестьянами и рабочими братья солдаты возьмутъ арсеналы и передадутъ хранящееся въ нихъ оружіе и патроны народу и обучатъ неумѣющихъ, какъ надо владѣть оружіемъ. Вмѣстѣ съ крестьянскими и рабочими братьями, братья-солдаты возьмутъ всѣ уѣздные и губернскіе города, Москву и

Петербургъ, передадутъ всю землю народу, передадутъ трудовому люду всѣ фабрики, заводы, рудники, копи, желѣзныя дороги, пароходы, промышленныя и торговыя помѣщенія. Все, отнятое богатыми у бѣдныхъ, возвратится народу. Солдатскіе братья не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока хоть одна деревня, хоть одинъ городъ останется во власти чиновниковъ и богачей.

До дней великаго передѣла земли солдатскій братъ долженъ съ осторожностью присматриваться къ солдатамъ; подходящихъ знакомить съ братьями —не солдатами, которымъ безопаснѣе говорить съ солдатами о Всероссійскомъ Народномъ Братствѣ. Если нѣтъ подъ рукою братьевъ—не солдатъ, надо съ осторожностью съ глазу на глазъ говорить съ подходящими солдатами. Съ осторожностью надо дѣйствовать потому, что начальство нарочно въ солдаты сыщиковъ ставитъ. Надо очень присматриваться къ тѣмъ солдатамъ, что съ офицерскими наушниками шушукаются, и чураться такихъ солдатъ. Надо узнать, гдѣ начальство хранитъ патроны и оружіе, чтобы можно было, когда надо, взять ихъ.

Съ волками офицерами, со шкурами старослужывыми жить—по волчьи выть придется. Все, что требуется отъ тебя, какъ отъ солдата — исполняй, только шпіонить и душегубствовать не смѣй. Когда тебя учатъ, смекай, что глупость и что неправда въ ихъ ученіи, къ чему и что тамъ такое написано — то ли одни пустыя слова, то ли такъ принаровлено, чтобы, научившись этимъ глупостямъ, солдаты всегда для господской пользы и во вредъ наро-

ду старались. Но веди себя смирно, не задирайся, чтобы по пустякамъ не влопаться.

Помни, что ты не продался за баръ стоять; не нанимался застаивать чиновниковъ, губящихъ и насилующихъ простой народъ. Не давай себя одурачить оставшимся на второй срокъ шкурамъ, которыя за 5 алтынъ въ день продали Русь барамъ дармоѣдамъ. Солдатъ не цѣпной песъ, котораго спускаютъ безъ разбора и на звѣрей и на человѣка, не бѣшеная собака, одинаково кусающая какъ своего, такъ и чужого. Позоръ и стыдъ для солдата идти противъ народа, быть палачемъ народа, къ которому самъ принадлежитъ, между которымъ живутъ отцы и матери, братья, сестры и дѣти солдатъ. Не палачемъ, а защитникомъ и другомъ народа будетъ солдатскій братъ.

Передъ тѣмъ, какъ идти на службу, крестьяне и рабочіе должны знать, за кого они будутъ стоять. Они должны поговорить со всѣми рекрутами своей округи о томъ, за кого должны стоять солдаты — за трудовой народъ или за дармоѣдовъ и ихъ защитника и ставленника—царя. Со всѣхъ, понимающихъ, въ чемъ солдатская служба, рекрутъ, надо взять обѣщаніе не душегубствовать, не стрѣлять въ народъ. Съ тѣхъ, кто хотятъ быть братьями-солдатами, надо взять обѣщаніе, что въ дни священнаго мѣсяца, въ дни великаго передѣла земли они съ оружіемъ встанутъ на сторону народа. Вотъ это обѣщаніе:

„Да будетъ слово мое: да! да! Никогда, служа въ солдатахъ или матросахъ, не буду стрѣлять въ на-

родъ — ни въ крестьянъ, ни въ рабочихъ, ни въ кого, кто стоитъ за землю и волю. Никогда не забуду, что я самъ крестьянинъ (или рабочій), не пойду противъ крестьянъ и трудового народа.

„Да будетъ слово мое: да! да! Въ дни священнаго мѣсяца, въ дни великаго передѣла земли съ оружіемъ въ рукахъ перейду на сторону народа и буду сражаться за землю и волю съ врагами народа, кто бы они ни были и какъ бы они ни назывались. Не измѣню крестьянству, не измѣню народу русскому, не измѣню святому дѣлу земли и воли. Если измѣню я святому дѣлу земли и воли, да покаранотъ меня вѣрные этому дѣлу крестьянскіе братья, братья-солдаты. Да будетъ слово мое: да! да!“

Солдатъ долженъ помнить, что всюду и вездѣ, знаетъ онъ это или нѣтъ, на него смотрятъ и знаютъ его дѣла братья Всероссійскаго Народнаго Братства. О всякой подлости, о всякомъ душегубствѣ, если солдатъ его по малоумію или по малодушію сдѣлаетъ, будутъ знать его односельчане, вся округа, а если онъ уйдетъ въ городъ на фабрику, вся фабрика знать будетъ. И братская рука потяжельше японской будетъ. А послѣ побѣды Народнаго Братства (близокъ часъ этой побѣды), не получитъ солдатъ, измѣнившій народу русскому, ни аршина земли, не будетъ принятъ въ вольныя мастерскія вольныхъ рабочихъ. Будетъ онъ для всего народа русскаго хуже послѣдняго злодѣя.

Роспускъ арміи.

Послѣ побѣды народа солдатъ не будетъ. Солда-

ты нужны для того, чтобы начальство могло ихъ посылать убивать крестьянъ или рабочихъ, нужны господамъ на тотъ случай, если трудящіеся захотятъ взять у богачей захваченную землю или отнять у дармоѣдовъ награбленное добро, если крестьяне и рабочіе откажутся платить чиновникамъ подати, если не захотятъ слушаться глупыхъ, жадныхъ и всегда варварскихъ начальниковъ.

Когда простой народъ устроится по своему такъ, что не будетъ надъ нимъ ни господъ, ни баръ, такъ что всѣ будутъ работать на самихъ себя, а не на пользу тунеядцевъ, то воевать ему съ какимъ либо другимъ народомъ не придется. Народъ не полѣзетъ въ чужія страны убивать людей и на него чужія народы войною не пойдутъ—въ Россіи живетъ сто пятьдесятъ три милліона человѣкъ,—такъ на эту махину мудрено сунуться. Наши цари сами, почитай что всегда, первые войну затѣвали. На насъ нападали только тогда, когда наши цари грозились войну объявить.

Если и послѣ освобожденія будетъ какая опасность, то опять таки только отъ царей и господъ. Если гдѣ ни на есть въ чужихъ странахъ останутся цари да разные начальники, то они могутъ дать своихъ солдатъ на помощь царю, ежели онъ сбѣжитъ за границу, либо кому изъ его родственниковъ; чужіе цари да господа могутъ послать солдатъ убивать насъ до тѣхъ поръ, пока мы опять не согласимся посадить себѣ на шею стараго царя или какого нибудь его родственника,—а у нашего царя много родныхъ и въ Россіи и за-границей народныя денежки мотаетъ. А за царемъ опять появится сколько

угодно чиновниковъ, офицеровъ, помѣщиковъ, купцовъ и всякихъ другихъ піявокъ и опять начнется на Руси не жизнь, а мука-мученическая.

Самъ царь или его родня тоже могутъ нанять за деньги разную сволочь; царь хоть и бѣглый, а пообѣщаетъ своимъ наемникамъ, что послѣ побѣды отберетъ у мужиковъ землю и отдастъ своимъ холопамъ, какъ его предки дѣлали; пообѣщаетъ изъ нихъ чиновниковъ подѣлать и опять имъ большое жалованье изъ податей платить.

Для того, чтобы ничего этого не было, надо, чтобы весь народъ былъ вооруженъ, надо, чтобы онъ послѣ возстанія при себѣ все оружіе оставилъ. Надо будетъ новыя пушки и ружья подѣлать, чтобы на всѣхъ хватило. Надо, чтобы всѣ вооружены были; тогда на насъ никто войной не пойдетъ, а если кто и сунется, такъ тому не сдобровать.

Не надо только имѣть отдѣльную отъ народа армію, отдѣльное войско съ офицерами да генералами; а то новые генералы и офицеры, кто бы они ни были, командуя людьми, непремѣнно испортятся. Они легко могутъ передаться на сторону новаго царя за разныя обѣщанія да подачки, вышколятъ солдатъ, которые поглупѣе, и измѣнятъ народу. Объ этомъ надо всегда помнить.

Какъ только начнемъ возстаніе, всѣхъ солдатъ распустимъ. Кто на царской и барской сторонѣ останется, тому не дадимъ земли. Но и послѣ народной побѣды ни за что не заведемъ постояннаго войска.

Разные хитрые люди, тѣ, кого бары подкупятъ,

будутъ говорить, что войско, армію не надо имѣть, а надо завести милицію, гдѣ всякій будетъ служить по очереди или гдѣ будетъ служить тѣ, кто хотятъ, и что для этой милиціи надо постоянныхъ офицеровъ и генераловъ держать, которые ею командовать будутъ.

Вотъ эти то офицеры и генералы, всякое войско, которое не работаетъ, а только служитъ, опаснѣе всего для народа. Вотъ они то легко передаются разнымъ господамъ да царямъ, которые захотятъ снова усѣсться на народной шеѣ.

Надо всѣмъ вооружиться, всѣмъ умѣть владѣть оружіемъ. Въ случаѣ войны съумѣемъ найти знающихъ военное дѣло людей. Только на время войны и будутъ они офицерами. У насъ тоже будетъ, какъ было у буровъ при войнѣ съ Англіей. Маленькій вооруженный народъ оказалъ страшное сопротивленіе громадной Англіи.

У насъ если придется воевать, то весь народъ и будетъ воевать за свою землю, за свою волю, за своихъ дѣтей и женъ. Ему будетъ что отъ барской и царской лихости застаивать; онъ не будетъ воевать для царской забавы да для барской корысти, какъ теперь бываетъ.

Да только едва ли намъ съ кѣмъ воевать придется. И на вооруженный народъ не охота будетъ соваться, а главное то надо помнить, что когда въ Россіи народъ прогонитъ начальство, захватитъ землю, возьметъ заводы и фабрики. устроится по хорошему безъ баръ и кулаковъ, тогда и иностранные крестьяне и рабочіе тоже сдѣлаютъ. А народъ на

народъ безъ царскаго да барскаго науськиванья никогда другъ на дружку войной не ходитъ и не пойдетъ.

Такимъ образомъ, въ первую голову распустимъ всѣхъ солдатъ и всѣ вооружимся, будемъ жить вооруженнымъ народомъ, чтобы свою вольность защищать, какъ жили въ старину казаки, пока царскими холопами не подѣлались, пока у нихъ не завелись постоянные офицера.

Рекруты и солдаты! Помните, что страдаетъ русскій народъ, что измучили его тоска — бѣда. Помните, что близокъ день освобожденія народнаго. Будьте же честны, не измѣняйте народу, не измѣняйте крестьянству и рабочему люду. Не продавайтесь барскимъ прихвостнямъ, не слушайтесь барскихъ улещаній. Не давайте одурачить себя. И когда придетъ часъ, идите съ народомъ и за народъ противъ всѣхъ враговъ народа.